

Глава XI. Пароход «Буэнос-Айрес»

Когда 20 января стихло волнение полицейской облавы, активисты, которым удалось спастись (среди них — Ортис, Санс и Гарсия Оливер), тотчас же встретились и после обмена мнениями вынесли решение оказать давление в соответствующих профсоюзных организациях и мобилизовать Центральный комитет НКТ, с тем, чтобы объявить всеобщую забастовку по всей Испании. Это являлось единственной мерой, которая могла бы заставить правительство отменить депортацию.

Профсоюз работников фабрик текстильной промышленности провёл срочное собрание и вынес решение начать забастовку. Гарсия Оливер был избран делегатом на пленарное собрание Национального комитета, который находился в Барселоне и работал под руководством Анхеля Пестанья, его генерального секретаря. Чтобы детально рассмотреть это событие, мы прибегнем к докладу Гарсии Оливера в адрес своего профсоюза:

«Национальный комитет собрался вечером 9 февраля. На нём среди других делегатов присутствовали Гарсия Оливер и секретарь.

Пестанья зачитал сообщения, присланные в ответ на циркулярное письмо разными региональными организациями, в котором, по требованию филиалов из Арагона, Рьохи и Наварры, ставился вопрос о необходимости всеобщей забастовки по всей стране или других мер для воспрепятствования депортаций, объявленных правительством.

Леванте ответила утвердительно: за забастовку; Галисия, несмотря на огромные потери в результате репрессий, также высказалась «за», обещая сделать возможное и невозможное для расширения стачки по всей провинции; Астурия также одобряла эту меру, предлагая как можно быстрее начать агитацию для полнейшего успеха забастовки; Арагон, Рьоха и Наварра информировали о предварительном собрании с областными делегациями и общей готовности к забастовке; филиал Центра ввиду слабого влияния предлагал объединить рабочую агитацию вместе с комиссией Национального комитета для аудиенции с правительством, и потребовать отмену депортации.

Затем Пестанья заверил, что ответ от объединений из Каталонии, Андалузии, с Балеарских островов и Севера не пришёл, и добавил: «Позавчера, в воскресенье, я написал письма всем региональным организациям». Он сообщил, что в результате опроса о приемлемости всеобщей забастовки с требованиями отменить депортации большинство совпадают во мнении провести крупную пропагандистскую кампанию, независимо от последующего оптимального решения. «Позвольте сообщить вам, — добавил Пестанья, — что я послал упомянутое циркулярное письмо, не проведя консультации с Национальным комитетом, так

как речь идёт о не особо важном вопросе, и таким образом мы выигрываем время».

Гарсия Оливер возразил Пестанье, что тот допустил целый ряд ошибок:

«Первое: Принял решение касательно столь сложного вопроса от своего имени (...), за спиной Национального комитета, (...). Позиция Пестаньи — это узурпация полномочий... злоупотребление доверием в силу обладания печатью Национального комитета.

Второе: Изменил ответы региональных филиалов, так как единственным проголосовавшим за пропагандистскую кампанию был Центр, а другие высказались за всеобщую забастовку.

Третье: Пестанья выслал циркуляр каждому региону в отдельности, объявляя “нет — всеобщей забастовке”; таким образом создавалось впечатление, что большинство проголосовало за такое решение, когда на самом деле всё было не так. Это — преднамеренное и предательское действие в отношении к конфедеральному пролетариату, оно воспрепятствовало отмене депортаций... Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что поспешность со стороны правительства с понедельника — на следующий день после послания циркулярного письма — в отправлении корабля “Буэнос-Айрес” означало, что оно знало о том, что циркуляр Пестаньи препятствовал осуществлению эффективных протестов Национальной Конфедерации трудящихся; также мы приходим к выводу, что при отсутствии этого циркуляра депортированные не были бы высланы вообще. Это подтверждает факт: прошло много дней с момента событий в Фигольсе как вдруг, неожиданно для всех, был отдан приказ для отправки судна.

Гарсия Оливер успел отредактировать отчёт своему профсоюзу и не смог расширить его в личном выступлении, потому что спустя несколько дней после отплытия «Буэнос-Айреса» был арестован и отправлен в Модело, где, пользуясь случаем, информировал узников о вышеописанном факте. Перед лицом предоставленных доказательств сто активистов, заключённых в застенках Модело, составили письмо и отослали его в анархистские газеты. В нём, ссылаясь на факты, они просят об «исключении Анхеля Пестаньи из НКТ, если сказанное Оливером Гарсией является истиной, в противном случае — исключить из рядов НКТ самого Гарсию»³⁷⁴.

Пока имели место описанные события, узники на «Буэнос-Айресе», отрезанные от внешнего мира, не зная своей дальнейшей судьбы, нетерпеливо ожидали своей участи, уготовленной для них правительственными мерами.

10 февраля, в 4 часа и 45 минут пароход «Буэнос-Айрес» отходил из барселонского порта в неизвестном направлении, хотя и ходили слухи что в Африканскую Гвинею. В тот день Эмилианне написала полные волнения строки Федерации французских анархистов, сообщая о депортации Дуррути и его товарищей:

«У нас в доме царит отчаяние. Этим утром, в четыре часа, “Буэнос-Айрес” отплыл из порта Барселоны по направлению к Гвинее, возможно — к Бате. На пароходе находятся 110 арестованных; он должен остановиться в Валенсии и Кадисе и взять других активистов, ожидающих депортации в этих портах. Нам не разрешили подняться на борт для прощания. Только маленькие дети в сопровождении матросов смогли обнять своих родителей. Нашу

малютку Колетт, двух с половиной месяцев, принесли на корабль, и Дуррути поцеловал её на прощание. После его ареста, приблизительно три недели назад, мы не видели узников и не имели возможности поговорить с ними». Пока пароход находился в порту, Дуррути и ряд его товарищей объявили голодовку, и именно поэтому Дуррути, Аскасо, Перес Фелиу и Масана были помещены отдельно от других депортируемых. Все газеты Испании, за исключением La Tierra, рабски приветствовали позицию министра внутренних дел на основе самой вероломной клеветы для оправдания депортации. Solidaridad Obrera была запрещена.

«Налицо парадокс испанской Республики: в то время как 110 пленников на борту “Буэнос-Айреса” депортируются без предварительного суда (большинство из них не участвовали в восстании в Фигольсе), монархисты беспрепятственно конспирируют, крупные помещики оставляют пустовать угодья, а крестьяне умирают с голода. Известный “закон обороны республики” неприменим против её врагов, а только лишь против рабочих, единственным преступлением которых является их последовательность и верность своему классу.

Каким образом социалисты, сотрудничавшие с Примо де Риверой, сейчас могут быть заинтересованы в рабочих требованиях? Око за око, зуб за зуб — таким должен быть наш закон. Несмотря на расставание с друзьями и дорогими нам людьми, мы не чувствуем себя побеждёнными, не опускаем голову, а продолжаем сопротивление в подполье»³⁷⁵.

Депортированные, благодаря перу Аскасо и пелёнкам маленькой Колетт, для переправки письма сообщили:

“ «Дорогие друзья! Кажется, начали сдувать пыль с компаса. Отплываем. Вот слово, выражающее столь многое. Отправляться в путь — значит немножко умереть. Но для нас, не поэтов, прощание — всегда было символом жизни. В постоянном пути, вечно в дороге, подобно блуждающим евреям без родины; за границами общества, где для нас нет места, мы принадлежим к классу эксплуатируемых, нам нет места в этом мире, отправление в путь всегда было знаком жизнестойкости. Разве важно то, что мы отдаляемся, зная, что продолжаем пребывать здесь, в мыслях и делах наших эксплуатируемых собратьев? Это не нас изгоняют, а наши идеи; мы уйдём, но идеи останутся. И именно идеи заставят нас вернуться, и именно они дают нам силы, чтобы жить.

Бедная буржуазия, нуждающаяся в таких мерах для продолжения своего существования! Нас это не удивляет. Она вступила с нами в борьбу, и её защита логична. Пусть она мучает, изгоняет, убивает. Никто не умирает без ответных ударов. Звери и люди в этом схожи. Жаль, что эти удары приводят к жертвам, особенно когда от них гибнут наши братья. Но это — неизбежная закономерность, и мы должны принять её. Пусть их предсмертные мучения будут короткими. Нашу радость не могут остановить стальные плиты; когда мы думаем об этом, знаем: наши страдания — начало конца. Какая-то часть приходит в разрушение и умирает. Эта смерть — наша жизнь, наше освобождение. Так страдать не означает страдать; напротив, это сама

жизнь, давнишняя мечта; она означает содействовать реализации и развитию идеи, питающей наши мысли и наполняющей смыслом нашу жизнь.

Отправляться в путь — это жить! Мы не говорим вам “прощайте”, а — “до скорого”!»376

Революционный подъём 18 января в Альт Льобрегат стал детонатором процесса, уже давно назревавшего в Испании. Шахтёры смогли воплотить теорию в практику, а теория, претворённая в практику, станет движущей силой, которая даст заряд всей общественной борьбе в стране. Судно «Буэнос-Айрес» замышлялось как тормоз; однако правительство посредством депортации не достигло ничего иного, кроме приноса добавочного топлива в котёл революционной деятельности. Доказательство тому — в храбром действии анархистских групп из Таррасы: спустя четыре дня после отплытия корабля они занимают здание муниципалитета, устанавливают красно-чёрное знамя и провозглашают либертарный коммунизм. Обе попытки были подавлены грубой силой государства, но в истории пролетарской борьбы эти поражения равнозначны победе, потому что помогают рабочим избавиться от страха; и без этого груза революция обретает крылья и летит вперед. Подобный психологический феномен обычно не принимают во внимание близорукие историки и продажные писаки.

Эмилианне Моран была права, когда вспоминала о законе талиона, отодвигая на задний план чётки жалобных стенаний. Франсиско Аскасо подтверждает её идеи, когда определяет депортацию, как защитный механизм буржуазии.

Это — логичное действие смысла борьбы, которая становится сознательной. Гарсия Оливер протестует из тюремных застенков, когда от имени узников намеревается оправдать политический коллаборационизм, лишаящий сущности саму борьбу:

«Мы, в настоящее время томящиеся в заключении, стоящие под огнём сражений во имя победы революции, разгорающейся на всём широком фронте Иберии, глубоко шокированы; нам грустно и тоскливо читать в газетах о частом проведении митингов, где наряду с анархистами участвуют политики парламентского меньшинства под названием “Левые революционные федеральные экстремисты”. Неважно то, что не придаётся значения стремлению политического меньшинства к росту, под маской революционеров. Но если сами анархисты фактом своего присутствия и сотрудничества одобряют лживые обещания политиков от парламентского меньшинства, то расстояние между этими двумя позициями представляется огромной пропастью. Анархисты не только должны отказать в сотрудничестве с любыми политиками, но и, с позиций активистов, их долгом является неустанно предупреждать массы о замаскированной опасности, таящейся в политике.

Хотя такие акции организуются под предлогом солидарности с нами, узниками и депортированными, мы не должны соглашаться с ними. Потому что для нашей защиты нам достаточно чувствовать наш долг анархистов (...). За рамками пролетарской революции все дороги закрыты. Парламентское действие для нашего поколения, живущего во времена послевоенной эпохи, — настолько старая и бесполезная вещь, как христианизм для

потомков Французской революции.

С нашей стороны сейчас как никогда можно поддерживать веру в возможность реализации наших анархистских идеалов. После факта существования коммунистического либертарного общества в Альт Льобрегат наши сердца должны переполняться от энтузиазма, потому что уже довольно далеки те времена, когда быть анархистом означало жертвовать свободой и жизнью в имя общества, в котором будут жить будущие поколения.

Сегодня не существует невозможного — сегодня мы боремся сами за себя. И поскольку мы ведём войну, то подготовимся же к защите, без жалоб от ран, нанесенных врагами, а думая о лучшей защите от ударов и поражению противника»377.

Версия #2

Зверобой создал 14 июля 2025 14:25:39

Зверобой обновил 15 августа 2025 12:54:04